

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ФРАНСИСКО УСКАНГА МАЙНЕКЕ «КАФЕ НА ВУЛКАНЕ»

Предлагаемое вниманию читателя произведение «Кафе на вулкане» принадлежит перу маститого исследователя европейской словесности Франсиско У. Майнеке. Автор известен как историк культуры, профессиональная деятельность которого посвящена анализу ретроспектив испанской и германской словесности в сфере репортажа и журналистики. Широкий географический разброс интересов, очевидно, обусловлен академической судьбой знатока кастильской публицистики, обосновавшегося сегодня в университете германского Ульма и воздающего должное информационному прошлому страны пребывания. Имеющиеся научные наработки были удачно беллетризованы исследователем и объединены в цикл эссе, посвященных навсегда богемному «Романскому кафе», функционировавшего в центре Берлина эпохи интербеллума*. Интересно, что, популяризируя биографии эпатажных представителей медиабомонда, автор воспользовался любопытным приемом экстраполяции достижений киноиндустрии на почву литературы. Структура и смыслы произведения сходны с теми, что использовались американским режиссером Бобом Фоссом при создании широко известного фильма «Кабаре». Общность эпохи, событийной канвы и целей авторов обусловили схожие методики демонстрации ритма политической эскалации в условиях больного разбалансированного общества. Идентичность фабулы обеспечила сходный результат. Эссе воспринимаются как повести с динамично развивающимся сюжетом и полностью захватывают все внимание читателя. Жанр произведений можно обозначить как летопись эпохи в человеческих судьбах.

---

* Интербеллум, или межвоенный период (11.11.1918–01.09.1939), — термин, используемый для обозначения временного промежутка между Первой и Второй мировыми войнами. — *Прим. ред.*

Существенным отличием литературного опыта Ф. Усканга от приемов Б. Фосса является обращение к иной категории персонажей. Режиссер оперирует образами вымышленных инертных обывателей, а литератор иллюстрирует эпоху реальными личностями, некогда претендовавшими на роли властителей дум.

Гуманитарная квалификация автора позволяет верно определить стартовый рубеж описываемого периода, отнесенный к 1922 году. В этот исторический момент стало очевидно, что Веймарская республика не способна решить проблемы разобщенных социальных групп, следствием чего явилась апатия большинства при одновременном росте националистического экстремизма групп, недовольных проводимой политикой исполнения Версальского мирного договора. Именно в 1922 году боевиками группы «Консул» в числе прочих «ноябрьских преступников» был убит В. Ратенау. Данное событие не потревожило богемную публику «Романского кафе», но имело далеко идущие последствия, поскольку погибший политик с группой единомышленников пытался отыскать противоядие «положениям Версаля» в формировании «системы Рапалло», переориентировавшей Германию на Восток. Молодчики «Консула» вольно или невольно помогли сохранить диктатуру победителей и исключили сей позитивный для немцев сценарий, направив вектор национальной истории напрямиком к катастрофе. Подобных нюансов публика, собиравшаяся в «Романском кафе», естественно, не знала, сохранив, впрочем, от берлинцев подчеркнутое автором безразличие к тактике нарождающегося нацизма.

Историчность героев при ознакомлении с книгой приводит к формированию понятийного феномена. Объективизм и честность автора, наряду со следованием современной «западной повестке», приводят к специфическим результатам. Портреты героев выглядят абсолютно натуралистично и содержат все присущие им обильные девиантные черты, вызывающие закономерную оторопь читателя, придерживающегося традиционных поведенческих и жизненных стандартов. Изнанка персонажей, прописанных как жертвы эпохи, с одной стороны, крайне любопытна для исследователя, с другой — сильно упрощает понимание причин электоральных успехов разнородных германских консерваторов. В нашем Отечестве столь откровенной демонстрации морально-нравственных проблем естественных антифашистов прежде не проводилось. Это обстоятельство

добавляет произведению остроты, но требует от читателя тщательного взвешивания информационных находок.

Следует понимать, что речь в произведении идет преимущественно о представителях постапокалиптической пены, поднятой на поверхность общественной жизни в итоге проигранной тотальной войны, революционных событий и регламентации информационного пространства с участием чуждой воли победителей. В таких условиях эпатаж, демонстративная девиантность псевдореволюционеров становятся смыслом существования закрытых корпораций, подобных исследуемому заведению общепита. Оценивая ситуацию, автор делает в тексте очень нужное уточнение, констатируя, что противники-экстремисты зачастую относятся к той же категории населения. О причастности к богеме, по его мнению, мечтали Й. Геббельс и многие другие националистские бонзы. Можно добавить, что карьерой художника грезил А. Гитлер, Э. Рем слыл и являлся половым девиантом, а «легенда нацизма» — рифмоплет Х. Вессель — промышлял сутенерством. Таким образом, диалектический принцип единства и борьбы противоположностей в недужной Германии в полной мере работал против местного общества и человечества.

Каждое последующее эссе отображает очередную масштабную проблему, встающую перед Германией, и на ее фоне проецирует жизненные перипетии укрывающихся в убежище «Романского кафе». Коллизии выглядят достаточно правдоподобно. Авторских компетенций вполне хватает для создания несколько упрощенных, но в целом точных картин разрушения основ добропорядочного немецкого бытия. Тогда как биографические этюды, интегрированные в условия катастроф, просто превосходны и привлекают внимание исторически искушенных читателей. Основная ценность работы заключается как раз в портретных набросках современников предгрозовой эпохи, которые далеко не всегда вызывают симпатию, но зачастую располагают к сочувствию как «посетители мира в его роковые минуты».

Тем, кто желает подробно изучить истоки большой германской инфляции или детально восстановить этапы разбойничьего нацистского режима, произведение поможет весьма ограниченно. Зато любителям исторических портретов будет очень любопытно узнать, что драматург и глава Баварской Красной армии Э. Толлер всю жизнь оставался идеалистом бессребреником, тогда как Б. Брехт слыл цепким бизнесменом от искусства и прижимистым деловым партнером.

Следует констатировать, что произведение Франсиско У. Майнеке, безусловно, состоялось как удачный образчик исследований в сферах имагологии и локальной истории.

*Креленко Д. М.,
канд. ист. наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Саратовского государственного университета
2023*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В моем кабинете висит светло-зеленая банкнота в сто тысяч марок, напечатанная 10 августа 1923 года. Она принадлежала моему прадеду, который вставил ее в рамку и подарил своему сыну, чтобы тот никогда не забывал. Мой дед, в свою очередь, подарил ее мне, с той же целью. Меня она чрезвычайно занимала: надо же, банкнота в сто тысяч марок! Я долго не вспоминал о ней, пока во время последнего переезда не обнаружил ее в коробке, которую не открывал с тех пор, как паковал вещи в прошлый раз. Банкнота вновь привлекла мое внимание, и я повесил ее над письменным столом.

На эти сто тысяч марок мой прадед мог купить две буханки хлеба или полкило сахара. Или же дать чаевые официанту в своем любимом заведении. Сегодня банкнота не имеет большой ценности, потому что сохранилось достаточно много банкнот, талонов, векселей. Сто тысяч — это скромно: бывают купюры в миллион, пятьдесят миллионов, тысячу миллионов. Их хранят как напоминание и предостережение — инфляция 1920-х годов, время, когда миллионеры голодали, до сих пор продолжает болезненно отзываться в душах многих немцев. Говорят, что именно оттуда берет свое начало стремление Германии любой ценой удерживать курс обмена валюты.

Изначально я намеревался написать эссе про культурный мир Берлина в те кризисные годы; собирая информацию, я наткнулся на следующий абзац:

Еврей-большевики сидят в «Романском кафе» и строят свои злокозненные революционные планы; а по ночам они заполняют развлекательные заведения на бульваре Курфюрстендамм, танцуют под музыку негритянских оркестров и смеются над бедами эпохи.

Это высказывание принадлежит Йозефу Геббельсу, со слов которого я заключил, что «Романское кафе» было восхитительным местом. Дальнейшие изыскания это подтвердили: заведение не являлось в буквальном смысле гнездом революционеров. Оказалось, что те, кого Геббельс называл «евреями-большевиками», представляли собой круг литераторов, художников и интеллигентов, наводнивших Берлин в 1920-х годах. Так сюжет моей книги стал вращаться вокруг «Романского кафе».

Мне пришла в голову идея назвать книгу «Кафе, которое ненавидел Геббельс». Но потом я передумал. Я не хотел отводить этому персонажу слишком большую роль в своей книге — хотя в конце концов вышло именно так, — а еще меньше мне хотелось, чтобы при поиске в *Google* наши имена фигурировали рядом. Как следствие, я выбрал более «стерильное» название, которое и значится сейчас на обложке. Это не отсылка к Малькольму Лаури и его знаменитому роману «У подножия вулкана» (*Under the Volcano*); *Der Tanz auf dem Vulkan* («Танец на вулкане») — устоявшееся немецкое выражение, описывающее буйные «золотые годы» Веймарской республики.

Покрутив замысел книги и так и этак, я решил остановиться на форме классической хроники, то есть исторического повествования, в котором события излагаются в хронологическом порядке. Мне показалось, что этот жанр наилучшим образом подходит для передачи напряженности эпохи, которая, осознанно или бессознательно, скатывалась в катастрофу.

Следуя правилам жанра хроники, а также с целью облегчить процесс чтения, я отказался от сносок внизу страницы. Читатель найдет библиографический указатель рекомендуемых источников в конце книги. Большая часть приведенных изданий — на немецком языке; переводы, включенные в текст, сделаны мной самим. Достаточно много страниц издания посвящено описанию политического, экономического и социального контекста, да простят меня знатоки темы.

Я побывал в тех местах, где происходили события, описанные в книге (несмотря на то что большинство из них сегодня неизвестны). Опираясь на документы и фотографии той эпохи, я взял на себя смелость воспроизвести некоторые сцены. В тех случаях, где недоставало информации, я представлял себе, как это могло быть, в остальном же, безусловно, старался придерживаться фактов. Од-

нако не ожидайте от меня беспристрастности. Во-первых, как сказал некто, столкнувшись с чумой, нейтральным или объективным быть не получится. Во-вторых, потому что сама претензия на объективный перенос каких-либо событий на бумагу — это химера; подборка сцен, героев, даже простых прилагательных — субъективна и пристрастна. Единственное, чего можно требовать от автора хроники, которому не довелось стать свидетелем событий, — прибегать к достоверным источникам, строго излагать факты, стараться интерпретировать их честно, вести повествование бойким, живописным и увлекательным языком. Именно к этому я и стремился.

БРОНЗОВАЯ ТАБЛИЧКА

1922

В кафе — один-единственный посетитель. Он сидит за круглым мраморным столиком; тело его наклонено вперед, и в такой позе особенно заметно, что он горбат. У мужчины смуглое лицо, темные глаза, орлиный нос и твердая линия нижней челюсти; из-под картуза выглядывает маслянистая прядь. У него крупные руки и костлявые пальцы. В левой руке он держит обгрызенный карандаш, которым рисует на полях газеты. Посетитель полностью погружен в работу. Слышится шорох бумаги и звон чашек, ополаскиваемых официантом. Рисунок приобретает очертания человеческого лица: большие насмешливые глаза, полные щеки и растрепанные волосы. Теперь угадываются и очертания губ, крупных и мясистых.

Наша хроника начинается воскресным утром 25 июня 1922 года в берлинском кафе, которого больше нет. Сцена могла выглядеть примерно так, как я только что описал: Джон Хёкстер, завсегдатай заведения, рисует карикатуры за своим любимым столиком, в то время как Антон, бармен, трудится изо всех сил над мытьем посуды в оловянной раковине. В этот час, вероятно, в заведении пахло щелочью и ночной прохладой. Пожалуй, там мог быть кто-то еще: возможно, швейцар Нитц, пристроившийся у вращающейся двери, или Фиринг, владелец кафе, просматривающий счета по ту сторону стойки..

Калле, главного официанта, наверняка не было на месте, поскольку он всегда освобождал себе воскресное утро. Отсутствовали и постоянные гости: дело было в выходной, стоял ранний час, а чистое небо и теплая погода так и звали прогуляться по парку Тиргартен или съездить на экскурсию на озеро Ванзее. Но кафе пустовало также и потому, что большинство из его завсегдатаев в этот час толпились перед Рейхстагом, где проходила гражданская панихида.

Там, в неимоверно длинной очереди, многие воспользовались ожиданием, чтобы бегло просмотреть газету. С самой войны они не помнили заголовков такими огромными буквами: «ВАЛЬТЕР РАТЕНАУ УБИТ!», «СМЕРТЕЛЬНОЕ ПОКУШЕНИЕ НА МИНИСТРА!». *Berliner Tageblatt*, самая популярная ежедневная газета столицы, уже информировала о ходе событий, начиная с первых показаний свидетелей:

Незадолго до одиннадцати часов утра автомобиль министра иностранных дел Вальтера Ратенау направлялся по Королевской аллее к зданию министерства. В этот момент другой автомобиль обогнал машину доктора Ратенау, резко затормозил, и его пассажиры открыли огонь из пистолетов-пулеметов. Министр, настигнутый пулями, вначале подскочил, наклонившись к водителю, возможно, намереваясь дать тому указание ускориться и как можно быстрее покинуть это место. Нападавшие воспользовались заминкой, чтобы забросить в салон автомобиля гранату. Получив еще одно ранение, министр резко откинулся назад, весь залитый кровью. После этого машина нападавших быстро скрылась с места преступления. Пассажиров автомобиля, на головах у которых были кепи светло-коричневого цвета, с частично закрытыми лицами, видели свидетели. Речь идет о молодых людях в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, одетых в серую униформу. Номер машины определить не удалось, поскольку обе таблички были закрыты. Министр получил несколько ранений в грудь и в ногу, а из-за взрыва гранаты у него оторвался фрагмент нижней челюсти.

Королевская аллея представляла собой обрамленный деревьями проспект, который пересекал район Груневальд и переходил в Курфюрстендамм, расположенный уже в центре Берлина. Планировка и сейчас остается такой же, что не часто встретишь в городе, в котором пришлось перестраивать многие улицы. Как и Берлин в целом, во время Второй мировой войны Груневальд подвергался бомбардировкам. Однако, поскольку он представлял собой загородный жилой квартал — Груневальд расположен на юго-востоке и был присоединен к столице в 1920 году, — он пережил меньше разрушений, чем центр города и промышленные пригороды. Благодаря этому Груневальд во многом сохранил свое лицо и остался тем элегантным и спокойным бургерским кварталом, каким был и до войны.

Кроме того, Груневальд — прекрасное место для прогулок воскресным утром. Таким, как сегодня, — еще одним теплым июньским воскресеньем спустя почти столетие после гибели Ратенау. Сюда редко добираются туристы, и здесь легко потеряться среди обширных зеленых массивов, застроенных вилами, особняками и посольствами. Здесь также наличествуют парочка школ, две или три церкви и еще один современный многоквартирный дом, возведенный на месте воронки от снаряда. Кроме того, тут раскинулись идиллические озера, окруженные безупречными газонами и кустарниками, подстриженными словно по линейке. На одном из них устроен небольшой пляж, который так и приглашает искупаться в компании уток. Я не решился, но не потому, что не захотел: берлинский климат лучше, чем принято его представлять.

На участке земли у тротуара Королевской аллеи, в районе Эрденерштрассе, возвышается гранитный обелиск. У подножия лежит похоронный венок с выцветшими лентами и сгнившими листьями; на двух клумбах по бокам от него в изобилии растут герани и маргаритки; сразу за ними создает долгожданную тень буковая рощица. На обелиске бронзовая табличка с выгравированной надписью:

*Памяти Вальтера Ратенау, министра иностранных
дел Германской республики.*

В этом месте он пал от рук убийц 24 июня 1922 года.

*Здоровье народа определяется его внутренней жизнью, жизнью
его духа и его души.*

Берлин полон подобных табличек. Следы истории встречаются на каждом шагу: на фасадах зданий; в виде небольших памятников, вырастающих из асфальта; прячется во внутренних двориках. Даже на земле встречаются таблички: на немецком они называются *Stolpersteine*^{*}, на них иногда можно ненароком наступить и тут же отдернуть ногу, испугавшись подобного кощунства. Однако эта табличка в тени буковых деревьев имеет особое значение: ведь убийство Вальтера Ратенау, министра иностранных дел Веймарской республики, не только стало огромным потрясением для всей страны, но и повлекло за собой фатальные последствия для целого континента. Стефан Цвейг, близкий друг министра, незадолго до поку-

---

^{*} Камень преткновения (нем.). — Прим. пер.

шения проезжавший с ним по этому маршруту, через много лет написал в своей книге воспоминаний «Вчерашний мир»: «...трагическое событие, за которым последовала трагедия Германии, трагедия Европы»*.

Каждое утро Вальтер Ратенау садился в машину, которая отвозила его с виллы в Груневальде в министерство иностранных дел, расположенное по адресу: Вильгельмштрассе, 76, что совсем рядом с Бранденбургскими воротами. Несмотря на то что ему уже угрожали смертью, Ратенау никогда не ездил с эскортом. В тот теплый и солнечный день он совершал поездку на кабриолете, так что преступникам добраться до него было проще простого. Пресса, которая на следующее утро написала об убийстве, не приводила гипотез по поводу виновных; но было ясно, что это совершили ультранационалисты. За неделю до нападения они маршировали по берлинским улицам с лозунгом: *Knallt ab den Walther Rathenau, die gottverfluchte Judensau* («Пристрелим Вальтера Ратенау, богомерзкую еврейскую свинью»).

В тот же день, когда было совершено покушение, генеральный прокурор Веймарской республики приказал допросить членов организации «Консул» — группы ультраправых террористов, которые уже совершали подобные преступления по политическим мотивам. Подозрения оказались обоснованными: благодаря допросам и описаниям, полученным от свидетелей, стало возможным идентифицировать двух членов организации в качестве предполагаемых авторов преступления: Эрвина Керна и Германа Виллибальда Фишера.

Через несколько недель полиция обнаружила место их пребывания — в замке Заалек, расположенном в двухстах километрах к юго-востоку от Берлина. Арендатор замка, сочувствующий организации, предоставил им убежище. Завидев приближающиеся полицейские машины, беглецы забаррикадировались в башне и принялись стрелять. Полицейские отразили огонь; им удалось устранить Керна выстрелом, попавшим прямо в бойницу. Фишер покончил жизнь самоубийством рядом с трупом товарища.

Им было по двадцать пять лет, они оба происходили из обеспеченных семей: отец Эрвина Керна был судьей, а Германа Фишера — преподавателем искусства в университете. Молодые Керн и Фи-

---

* Цвейг С. Снова в мире // Вчерашний мир: воспоминания европейца. — М. : Радуга, 1991. — С. 280.

шер сражались на фронтах Первой мировой, уволившись из армии в звании лейтенантов. Оба получили хорошее образование: к тому моменту, когда они добровольно предлагали себя в качестве исполнителей покушения, Керн оканчивал факультет права, а Фишер только-только получил диплом инженера-технолога. Сохранились их фотографии: статные молодые люди, блондины с очень светлыми глазами, непринужденно смотрящие в камеру. Радость материнского сердца — перед такими детьми открыто любое будущее.

Организация «Консул» была создана на основе фрайкоров* — военизированных групп, появившихся при роспуске немецкой армии после перемирия, заключенного в 1918 году. Большинство добровольцев были солдатами — участниками боевых действий, которые не приняли капитуляцию Германии и оказались неспособны адаптироваться к мирной жизни. Многие из них поддержали государственный переворот в марте 1920 года, известный под названием *Kapp-Putsch* (Капповский путч), целью которого было свержение демократического режима Веймарской республики. Переворот потерпел неудачу из-за плохой организации, отсутствия поддержки в ключевых министерствах, а также сопротивления профсоюзов и левых партий. Один из зачинщиков, Герман Эрхардт, был вынужден бежать из Германии, но в октябре того же года он вернулся в Баварию и основал организацию «Консул».

В уставе организация «Консул» определяла себя как группу «решительных людей патриотических убеждений», чьей целью являлась борьба с «левыми и еврейскими элементами», которые, по мнению организации, были виновны в предательстве Родины и ее сдаче врагу. Появление организации на свет было окутано духом мистики и секретности. Она апеллировала к основам фемиического суда — тайного трибунала, который в Средние века сеял страх по всей Вестфалии, обладая единоличным правом казнить тех, кто посягал на заповеди, мораль и Родину. *Modus operandi*** организации также отражал этот средневековый атавизм: пусть веревка и кинжал сменились огнестрельным оружием, однако секретные коды, ритуалы инициации и тайные собрания, на которых решалось, кто будет принесен в жертву, сохранились.

---

* *Freikorps* (нем.) — свободный корпус. — Прим. пер.

** Образ действия; привычный для человека способ выполнения определенной задачи (лат.). — Прим. пер.

Первой жертвой стал Карл Гарейс, лидер социал-демократической фракции в баварском парламенте. Гарейс был участником боевых действий, после чего пришел в политику под знаменем антивоенных убеждений, осуждая подпольные и незаконные действия баварского фашистского ополчения. Ультраконсервативная пресса объявила его предателем, и почтовый ящик Гарейса начал заполняться письмами с угрозами. Однако он не сдался и продолжил открыто призывать к роспуску ополчений. Кроме того, он указал на ряд схронов с запасами оружия. Гарейс был убит 9 июня 1921 года у дверей своего дома в мюнхенском квартале Швабинг.

Следующей жертвой организации «Консул» среди известных людей стал Маттиас Эрцбергер, лидер левого крыла немецкой партии Центра (*Deutsche Zentrumspartei*), исторически выражающей интересы умеренного католического населения страны, которую можно считать предшественницей современной партии «Христианско-демократический союз Германии» (*Christlich Demokratische Union Deutschlands*). Эрцбергер был уважаемым экономистом и настойчивым, преданным своему делу политиком. Еще во время Первой мировой войны он заставил говорить о себе, неоднократно критикуя милитаристскую политику императора Вильгельма II. После заключения мира Эрцбергер занимал несколько важных постов в министерстве финансов и стал одним из тех членов парламента, которые положительно смотрели на выполнение Германией условий Версальского договора и принимали отказ от аннексированных территорий. Этим он и подписал себе смертный приговор. Двадцать шестого августа 1921 года Эрцбергера изрешетили пулями во время прогулки по окрестностям городка Бад-Грисбах, идиллического курорта, расположенного в Шварцвальде.

Затем, словно следуя мрачному *crescendo** в иерархии жертв, организация «Консул» выбрала в качестве следующей цели Филиппа Шейдемана, мэра Касселя и бывшего канцлера Веймарской республики. Шейдеман был основным идеологом Социал-демократической партии Германии и одним из ее символов. Он неустанно поднимал свой голос против фрайкоров и не прекращал требовать «чисток» армейских рядов, в особенности после провалившегося *Kapp-Putsch*. Однако свое главное предательство в глазах организа-

---

* Крещендо или крешендо (*итал.*) — музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука. — *Прим. пер.*

ции «Консул» он совершил 9 ноября 1918 года. В этот день, вскоре после 14:00 — «между супом и десертом», как он обычно говаривал с иронией, — Шейдеман выглянул с одного из балконов Рейхстага, чтобы объявить новость, которую с нетерпением жаждали услышать собравшиеся демонстранты: «Гогенцоллерны отrekliсь от трона. Гнилого прошлого больше нет. Да здравствует Республика!».

Буквально за три недели до убийства Ратенау, утром 4 июня 1922 года, Шейдеман прогуливался по кассельскому парку. В этот момент к нему приблизились двое молодчиков, один из них брызнул ему в лицо синильной кислотой. Шейдеману повезло. Благодаря густой бороде, а также стоявшей в тот день ветреной погоде, не вся жидкость попала в цель, и легкие не пострадали. Однако следы от кислоты остались у него на всю жизнь. Шейдеман был лицом Веймарской республики; именно поэтому его и хотели обезобразить.

В начале 1920-х годов Веймар — эта старинная гордость классицизма, город, где творили Гёте и Шиллер, — многими немцами воспринимался в негативном ключе по причине того, что здесь зародилась Республика. После окончания войны, учитывая революционные волнения, сотрясающие Берлин, временное правительство, сформированное из лидеров шести крупнейших партий, решило переместиться в этот тихий провинциальный городок, чтобы из него управлять страной в этот переходный период. Через несколько месяцев в том же театре, где раньше играли премьеры произведений Гёте и Шиллера, на первых в истории демократических выборах Национальная ассамблея провозгласила Конституцию страны, положившую начало новой Республике.

Веймар превратился в синоним ненависти для тех, кто продолжал идентифицировать себя с Германской империей и кайзером, живущим в изгнании. Недовольство противников хорошо объясняла очень популярная в то время карикатура: на ней был изображен Михель — аллегорическая фигура, олицетворяющая собой немецкий народ, — который, поднимая флаг Родины и глядя в сторону горизонта, с удрученным лицом и с горечью произносил: «Золотое прошлое, красное настоящее, черное будущее». Для тех, кто ностальгировал по Империи, красное настоящее, в котором правили хаос и анархия, началось именно в тот момент, когда Шейдеман вышел на балкон Рейхстага. Площадь была заполнена людьми, ликующими от радости, — однако страна была истерзана, разорена, разорвана на части. И, самое страшное, ей не доставало опыта демократии.